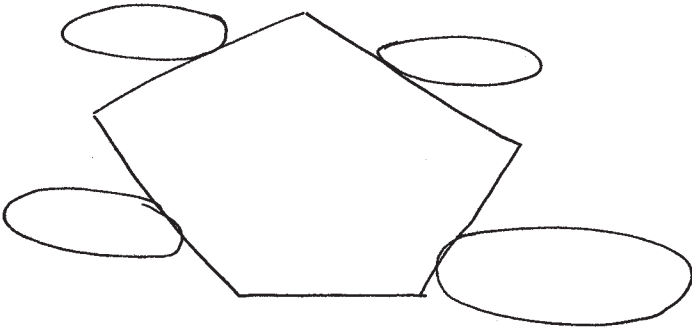

СОДЕРЖАНИЕ

ОДИН	11
ДВА	117
ТРИ	219
ЧЕТЫРЕ	309
ПЯТЬ	415
ШЕСТЬ	511
СЕМЬ	581
БЛАГОДАРНОСТИ АВТОРА	631
БЛАГОДАРНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА	633
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	635

[OAVMWS, Gandur gt
Cador gu a e' pater am vanduta
No othqah) n qid um
Z q = Cye poe r

ОДИН
ДИ

1

Бывает, по понедельникам, в самом конце ноября или в начале декабря, чувствуешь себя как в камере смертников, особенно если живешь один. Летний отпуск давно забыт, до нового года еще далеко; небытие оказывается в непривычной близости.

В понедельник 23 ноября Бастьен Дутремон решил поехать на работу на метро. Выйдя на станции “Порт де Клиши”, он очутился прямо перед надписью, о которой ему уже говорили на днях коллеги. В начале одиннадцатого утра на платформе было пусто.

Граффити в парижском метро заинтересовали его еще в юности. Он часто фотографировал их своим допотопным айфоном — сейчас, похоже, вышел уже 23-й, он остановился на одиннадцатом. Он рассортировывал снимки по станциям и линиям, создав для этой цели множество папок на компьютере. Это могло бы, если угодно, сойти за хобби, но он предпочитал по идее более необязательное, но, в сущности, куда более жесткое определение — *времяпровождение*. Одной из его любимых была, кстати, надпись аккуратными наклонными буквами, обнаруженная им посе-

редине длинного белого коридора на станции “Площадь Италии”, которая напористо возвещала: “Время не проведешь!”

Плакаты “Поэтов метрополитена”, тычущие в нос всякой вялой херней, наводнили в свое время все до единой парижские станции, просачиваясь иногда даже в вагоны, что вызывало у пассажиров многократные приступы безудержной ярости. Так, на станции “Виктор Гюго” он прочел следующее:

*Претендую на почетный титул короля Израиля.
Иначе поступить не могу.*

На станции “Вольтер” ему попало совсем уж вызывающее и нервное заявление:

*Вот мой окончательный ответ всем телепатиям,
всем Стефанам, которые решили отравить мне
жизнь: НЕТ!*

Надпись на “Порт де Клиши”, честно говоря, к граффити не имела отношения: огромные жирные буквы в два метра высотой, выведенные черной краской, тянулись по всей длине платформы в направлении “Габриэль Пери — Аньер-Женвилье”. Да и с противоположной стороны этот текст не получалось охватить взглядом полностью от начала до конца, но он все же ухитрился прочесть его целиком:

Выживают монополии / В сердце мегаполиса.

В этом не было ни чего-то особо тревожного, ни даже ясно выраженного; тем не менее именно такого рода высказывания могли привлечь внимание

ГУВБ¹, как и все прочие таинственные, неясные послания, несущие в себе скрытую угрозу, — в последние годы они заполнили общественное пространство, притом что их не удавалось приписать какой-либо известной политической группировке; наиболее показательным и зловещим их примером считались как раз интернет-сообщения, расшифровкой которых он занимался в данный момент.

На его рабочем столе лежал отчет из лаборатории общей лексикологии, его доставили в первой утренней разноске. Лабораторная экспертиза отобранных сообщений позволила выделить пятьдесят три знака, причем это были алфавитные символы, а не идеограммы; наличие пробелов между ними позволило объединить их в слова. Затем они приступили к установке биекции с одним из известных алфавитов, для начала с французским. Судя по всему, они попали в точку с первой попытки: добавив к двадцати шести основным буквам лигатуры, буквы с седилью и диакритическими знаками, они получили в сумме сорок два знака. Плюс одиннадцать традиционных знаков препинания, что в общей сложности дает пятьдесят три символа. Теперь им осталось решить классическую задачу на дешифровку текста, то есть установить взаимно-однозначное соответствие между символами сообщений и буквами французского алфавита в его полном варианте.

К сожалению, после двух недель работы они зашли в полный тупик: при помощи известных систем ко-

¹ ГУВБ (DGSI) — Главное управление внутренней безопасности. (Здесь и далее — прим. перев.)

дирования никакого соответствия вывести не удалось; за все время существования лаборатории такое произошло впервые. Выкладывать в сеть сообщения, которые никто не сможет прочесть, — нелепая затея, само собой, так что адресаты наверняка существуют — вот только кто они?

Он встал, сделал себе эспрессо и с чашкой в руке подошел к большому панорамному окну. От стеклянного фасада Суда высокой инстанции отражался ослепительный свет. Он никогда не усматривал никаких особых эстетических достоинств в этом затейливом нагромождении гигантских параллелепипедов из стекла и стали, воцарившихся над грязным, унылым пейзажем. В любом случае авторы концепции не гнались за красотой и вовсе не стремились порадовать взор, скорее похвастаться определенным технологическим ноу-хау — как будто им главное было пустить пыль в глаза потенциальным инопланетянам. Бастьену не довелось работать в историческом здании на набережной Орфевр, 36, так что в отличие от старших коллег он не испытывал никакой ностальгии; но даже он не мог не признать, что квартал Новый Клиши с каждым днем все безнадежнее скатывается в самый что ни на есть урбанистический кошмар; торговый комплекс, кафе и рестораны, предусмотренные первоначальным планом развития, так и остались на бумаге, поэтому на новом месте стало практически невозможно перевести дух в течение дня за пределами офиса; зато с парковкой никаких трудностей не возникало.

Внизу, метрах в пятидесяти, на стоянку для посетителей въехал “астон-мартин-ДВ11”; вот, значит, и Фред. Пристрастие гика Фреда, которому по логике вещей полагалось приобрести “теслу”, к замшелому очарованию двигателей внутреннего сгорания

выглядело странной причудой — бывало, он на долгие минуты мечтательно замирал под баюкающее урчание мотора *V12*. Наконец он вышел, хлопнув дверцей. С учетом процедур безопасности на входе Фред появится у него минут через десять. Он надеялся, что у Фреда есть новости; честно говоря, только на него он, в принципе, и надеялся, рассчитывая сообщить на очередном заседании хоть о каких-то результатах.

Когда, семь лет назад, их взяли на договор в ГУВБ — с более чем пристойной зарплатой для молодых людей без диплома и какого бы то ни было профессионального опыта, — собеседование свелось к демонстрации их умения взламывать различные интернет-сайты. В присутствии полутора десятков агентов БРМСИТ¹ и других технических служб Министерства внутренних дел, соборанных по такому случаю, они объяснили, как, войдя в НРИФЛ², можно одним кликом деактивировать и реактивировать карту “Виталь”³, каким образом они проникают на официальный налоговый сайт и запросто изменяют сумму задекларированных доходов. Кроме того, они показали — это более сложная процедура, поскольку коды регулярно обновляются, — как они ухитряются, зайдя на сайт НАКГО, Национального автоматизированного каталога генетических отпечатков, поменять, а то и вообще уничтожить профиль ДНК, даже если человека уже осудили. Они предпочли умолчать о том, как взломали сайт атомной электростанции в Шо, но и только. На сорок восемь часов они получили полный контроль над системой, и им ничего бы не стои-

- 1 *БРМСИТ* (BEFTI) — Бригада по расследованию мошенничества в сфере информационных технологий.
- 2 *НРИФЛ* (RNIPP) — Национальный реестр идентификации физических лиц.
- 3 “*Виталь*” — карта медицинского страхования системы здравоохранения Франции.

ло запустить процедуру аварийной остановки реактора, тем самым лишив электричества несколько французских департаментов. Однако им не удалось бы спровоцировать масштабную ядерную аварию — они не смогли взломать 4096-битный ключ шифрования, необходимый для проникновения в систему управления активной зоной реактора. Фред обзавелся новой хакерской программой, и ему не терпелось ее испытать; но по обоюдному согласию они решили в тот день, что, возможно, перегнули палку; они вышли, избавившись от всех следов своего присутствия в системе, и больше никогда не заговаривали об этом — ни с посторонними, ни между собой. В ту ночь Бастьену приснился страшный сон, за ним гнались чудовищные химеры, скомпонованные из разлагающихся младенцев; в финале этого кошмара ему явилось “сердце” реактора. Они выждали несколько дней, прежде чем снова увидеться, даже не созвонились ни разу и, вероятно, именно в тот момент впервые задумались о том, чтобы поступить на госслужбу. Героями их юности были Джулиан Ассанж и Эдвард Сноуден, так что решение пойти на сотрудничество с властями далось им нелегко, но в середине 2010-х годов во Франции создалась совершенно особая ситуация: после ряда смертоносных исламистских терактов население стало поддерживать полицию и армию, более того, питать к ним добрые чувства.

Однако Фред, проработав всего год, решил не продлевать контракт с ГУВБ; он уволился и создал компанию *Distorted Visions*, специализирующуюся на визуальных эффектах и компьютерной графике. В сущности, Фред, в отличие от него, никогда не был хакером в полном смысле слова; Фреда никогда не охватывало ликование, сродни тому, что переполняло его самого, когда он мастерским слаломом обходил файрволы

и защиту сети, он не упивался своим всемогуществом при запуске атаки методом “грубой силы”, когда он управлял тысячами компьютеров одновременно, взломав их и заставив расшифровывать очередной особо коварный ключ. Фред, как и его учитель Джулиан Асанж, — в первую очередь прирожденный программист, он способен за несколько дней освоить самые сложные языки, постоянно возникающие на рынке, и использует он свои способности для написания алгоритмов генерации форм и текстур новейшего поколения. Нам то и дело приходится слышать о французских достижениях в области авиации и космоса, и гораздо реже — о визуальных эффектах. Среди клиентов его компании часто попадались создатели самых знаменитых голливудских блокбастеров; за пять лет своего существования она вышла на третье место в мире.

Когда Фред, войдя в его кабинет, развалился на диване, Дутремон сразу понял, что его ждут плохие новости.

— Увы, Бастьен, ничем не могу тебя порадовать. — Фред не замедлил подтвердить его догадку. — Ладно, давай начнем с первого сообщения. Я знаю, вас не оно интересует, но тем не менее это весьма любопытное видео.

Первое всплывающее окно в ГУВБ прошляпили; оно эксплуатировало в основном поисковики авиабилетов и сайты онлайн-бронирования отелей. Как и следующие два, оно состояло из нагромождения пятиугольников, кругов и строк текста на не поддающемся расшифровке языке. Кликая на любую точку внутри окна, пользователь запускал видео. Съемки велись с какой-то возвышенности либо с парящего аэростата; план длился минут десять. До самого горизон-

та простиралось необъятное поле с высокой травой, на небе не было ни облачка, такие пейзажи характерны для некоторых штатов американского Запада. Порывы ветра прочерчивали на травянистой поверхности гигантские прямые линии; они пересекались, складываясь в треугольники и многоугольники. Когда все стихало, поверхность, насколько хватало глаз, снова становилась абсолютно гладкой; потом опять поднимался ветер, и многоугольники напозлали друг на друга, медленно разграфляя равнину от края до края. Это было очень красиво и не вызвало никакой тревоги; шум ветра не записали, и геометрия пространства разворачивалась в полной тишине.

— В последнее время мы часто создаем сцены шторма для военных фильмов, — начал Фред. — А травянистая поверхность такого объема генерится более или менее как водная схожего размера — то есть это не океан, скорее большое озеро. Одно могу сказать тебе наверняка — такие геометрические фигуры, как на этом видео, просто не могут образоваться. А то пришлось бы допустить, что ветер дует одновременно с трех сторон, если не с четырех. Поэтому я совершенно не сомневаюсь, что это компьютерная графика. Сбивает меня с толку другое: сколько их ни увеличивай, 3D-травинки все равно выглядят как настоящие, а это, по идее, неосуществимо. В природе не бывает двух одинаковых травинок; во всех травинках присутствуют неровности, небольшие дефекты, уникальная генетическая подпись. Мы увеличили тысячу травинок, выбрав их в кадре случайным образом: они все разные. Я готов поспорить, что каждая из миллиона травинок на этом видео отличается от другой; охренеть, это сумасшедшая работа; возможно, мы в *Distorted* могли бы это сделать, но на рендеринг такой продолжительности ушло бы несколько месяцев.

2

На втором видеоролике Брюно Жюж, министр экономики и финансов, с начала пятилетнего срока нынешнего президента занимавший еще и должность министра бюджета, стоял со связанными за спиной руками в саду средних размеров, разбитого, судя по всему, позади загородного дома. Окружающий холмистый пейзаж наводил на мысль о Нормандской Швейцарии, и весной там бы все утопало в зелени, но деревья стояли голые, так что, по всей вероятности, это была поздняя осень или ранняя зима. На министре были темные костюмные брюки и не по сезону легкая белая рубашка с короткими рукавами, без галстука, так что он весь покрылся гусиной кожей.

На следующем плане он предстал в длинной черной хламиде, увенчанной капиротом, тоже черным, придававшим ему облик кающегося грешника на Страстной неделе в Севилье; во времена инквизиции этот головной убор надевали и приговоренные к смерти в знак публичного унижения. Два человека в таком же наряде — с той лишь разницей, что в их капиротах виднелись прорези на уровне глаз, — схватили его под руки и потащили за собой.

В глубине сада они сорвали с министра колпак, и он несколько раз моргнул, привыкая к свету. Они стояли у подножия небольшого, заросшего травой пригорка, на вершине которого возвышалась гильотина. При виде этого сооружения на лице Брюно Жюжа не отразилось ни малейшего страха, разве что мимолетное недоумение.

Один из них, силой заставив министра встать на колени, положил его голову в выемку нижней половины хомута и привел в действие механизм блокировки, второй же в это время устанавливал тесак в тяжелый чугунный груз, предназначенный для стабилизации падения лезвия. При помощи веревки, пропущенной через шкив, они подтянули лезвие с грузом к верхней поперечной балке. Создавалось впечатление, что Брюно Жюжа постепенно охватывает бездонная печаль, но скорее печаль общего порядка.

Через пару секунд, в течение которых министр успел закрыть глаза и тут же открыть их, один из мужчин открыл клещевой захват. Нож обрушился за две три секунды, одним махом отрубив голову, в корыто хлынула струя крови, а голова покатила вниз по травянистому склону и замерла наконец прямо напротив камеры, на расстоянии нескольких сантиметров от объектива. В широко открытых глазах министра застыло неподдельное изумление.

Всплывающие окна с этим видео заполнили государственные информационные сайты, такие как *www.impots.gouv.fr* и *www.servicepublic.fr*. Брюно Жюж сначала поговорил со своим коллегой из МВД, а тот уже обратился в ГУВБ. После чего они проинформировали премьер-министра, и так дело дошло до президента. Без официального заявления прессе решили обойтись. До сих пор все попытки избавиться от этого